

Марцинковская Т.Д.

Новая методология исследования транзитивности жизненного пространства изменяющейся личности

Martsinkovskaya T.D.

New methodology for the investigation transitive space of changing personality

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
Психологический институт РАО, Москва, Россия

Анализируется проблема конструирования новой теоретической модели, которая может быть использована при исследовании личности в ситуации транзитивности, прежде всего транзитивности в ситуации пандемии и фрустрации жизненного пространства. Доказывается, что в основе такой модели может быть конструкт психологического хронотопа. Показываются направления трансформации первоначального конструкта психологического хронотопа, с включением реального, сетевого и интернет-пространства. Приоритетным в этом случае становится настоящее время, в котором происходит гармонизация переживаний, связанных с различными аспектами психологического хронотопа и временной перспективы. Представлены проблемы, актуализирующиеся в процессе реализации этой модели. Это, прежде всего, гармонизация двух континуумов с разными полюсами – к психологической стабильности, комфорту и самореализации. Раскрываются роль *spots of time* в этом процессе как состояния, активизирующего поисковую активность человека. Рассматриваются общие и отличные характеристики конструктов «психология изменений» и «психология транзитивности». Определяется общность, проявляющаяся в том, что оба подхода связаны с изменчивостью и множественностью вариантов развития в ситуации трансформаций. Различия же проявляются главным образом в том, что транзитивность подразумевает изменчивость ситуации, в то время как психология изменений делает акцент на личностных трансформациях и способности человека ответить на вызовы транзитивности. На основании такого анализа раскрываются возможности этих конструктов в прогнозировании будущих изменений и реакций на них разных людей. Изучается вопрос о роли реального, сетевого и виртуального пространств как в процессе самореализации, так и психологическом благополучии личности в ситуации жесткой и текучей транзитивности. Этот вопрос связывается с проблемой гармонизации двух континуумов в разных пространствах, и с вопросом о способности личности распределять

продуктивную деятельность для работы в разных пространствах в ответ на изменения ситуации. При этом способность человека соединять, сочетать и разделять разные пространства может рассматриваться как одна из характеристик психологии изменений.

Ключевые слова: методология, психология транзитивности, психология изменений, психологический хронотоп

Для цитирования: Марцинковская, Т.Д. Новая методология исследования транзитивности жизненного пространства изменяющейся личности // Новые психологические исследования. 2021. № 2. С. 31–45. DOI: 10.51217/npsyresearch_2021_01_02_02

Новая методология транзитивности

В последнее время неоднократно отмечалась необходимость пересмотра методологии изучения современного транзитивного общества.

Уже в первых вариантах методологии транзитивности (Марцинковская, 2016) было показано, что одну из важнейших ролей в ней играет конструкт психологического хронотопа. Психологический хронотоп соединяет разные области времени и пространства (объективную, субъективную, экзистенциальную) и, что самое главное, раскрывает отношение человека к этим объективным и субъективным параметрам хронотопа.

Не менее важным становится и то, что в ситуации транзитивности смена – резкая или текучая – общей социокультурной ситуации соотносится с переживаниями людей по поводу изменчивости определенного параметра психологического хронотопа. Раскрытие переживания по отношению к определенным, избирательным областям времени и пространства показывает не только общее эмоциональное состояние, но и общую реакцию на изменения, в том числе изменения в поведении. Анализ эмоциональных и поведенческих маркеров позволяет обнаружить позитивное/негативное отношение к этим областям происходящих изменений. Этот фактор в определенной мере может стать и одним из вариантов диагностики настоящего состояния людей и, что особенно важно, спрогнозировать их поведение и переживания по отношению к будущим изменениям. К вопросу о возможностях прогнозирования мы еще вернемся, здесь же хочется сказать о том, что такой комплексный подход к диагностике поведения и переживания в периоды резких изменений, связанных с карантином, лег в основу сконструированного нами опросника (Марцинковская, Ткаченко, 2021).

Рассмотрение подхода А.А. Ухтомского (Ухтомский, 2008) к гетерохронности хронотопа, акцентирует внимание на высказанной еще В. Штерном (Штерн, 1998) идее о важности негативных переживаний как стимула для развития. Действительно, ведь позитивные переживания гармонизируют все звенья психологического хронотопа, приводя их к равновесию, гомеостазу. Но тогда эмоциональное благополучие никак не связывается с развитием, и мы попадаем в неразрешимость дилеммы развитие-стагнация (дискомфорт/комфорт). Если положение Штерна не дает возможности преодолеть данное противоречие, то положение Ухтомского о доминанте на лицо другого как одной из основ социальной коммуникации, предоставляет некоторые возможности выхода из указанного тупика. Появление доминанты на лица некоторых близких или социально значимых людей может в некоторой степени стабилизировать (но не гармонизировать) психологический хронотоп, при этом человек и развивается (стремится к удержанию доминантного лица), и обретает покой при фиксации, установлении устойчивых отношений с этим лицом.

Если психологический хронотоп связан с отношением-переживанием разных областей пространства и времени, то внутренняя форма психологического хронотопа включает в себя цепочку пространственно-временных образов, вызывающих наиболее яркие переживания. Анализ данной цепочки и содержания вызываемых ею образов переживаний становится одним из важнейших факторов, позволяющих изучить индивидуальный пласт внутренней формы психологического хронотопа. Это является и связующим звеном между конструктами психологии транзитивности и психологии изменений.

Но прежде, чем говорить об общности и различии этих конструктов, необходимо остановиться на тех трансформациях конструкта психологического хронотопа, которые связаны с новой методологией. В чем же необходимость такого пересмотра или, точнее, в чем своеобразие современной ситуации транзитивности, которая приводит к такой необходимости?

Пересмотр некоторых ключевых методологических положений определяется тем, что в последние годы связь жесткой, кризисной и мягкой, текучей транзитивности постоянно укрепляется. Не менее важным фактором, побуждающим к пересмотру первоначальной методологии, является возникшая в последнее время новая ситуация, в которой фрустрация жизненного пространства, происходящая во всем мире с введением карантина, меняет переживания субъективного

и объективного соотношения пространства и времени в структуре психологического хронотопа.

Одной из актуальных на сегодняшний день, связанной с определенными ограничениями пространства и, частично, времени, возможной трансформацией конструкта психологического хронотопа становится фокусирование внимания на совпадении/несовпадении субъективного настоящего жизненного пространства с объективным и субъективным настоящим временем. Поэтому необходимо выстраивать гибкую структуру хронотопа, для того, чтобы менять комбинации всех трех времен и пространства в их социальных и персональных измерениях в зависимости от актуальной ситуации. При этом, как уже указывалось ранее (Марцинковская, 2016), помимо реального социального пространства в структуру хронотопа включается и интернет, сетевое измерение, которое делает всю конструкцию легкой меняющейся и многовариантной.

С объявлением карантина содержание жизненного пространства не просто расширяется за счет включения Интернета, так как это не единое пространство. Оно разделяется на сетевое, виртуальное и дополнительное в их различных ипостасях – и как социальных сетей, и как интернет-платформ и новостных ресурсов, и как виртуального и дополнительного пространств.

Однако, не менее важным фактором, повлиявшим на трансформацию методологии, является изменение установок: признание того факта, что эмоциональная стабильность, психологический комфорт, необходимые в ситуации транзитивности, резких слов и изменений, не могут заменить значимость самореализации, интенции к самоизменениям, личностному росту, развитию.

Поэтому при конструировании новой теоретической модели учитывалось то, что один из ведущих вызовов сегодня – проблема сохранения эмоционального благополучия и, одновременно, стремления к самореализации. Эти две тенденции – к эмоциональной стабильности и развитию, самореализации, – являются континуумами, иногда с противоположными полюсами.

Теоретически, нужно проанализировать, как хронотоп с его гетерохронностью дает возможность продуктивно совмещать разные пространства и различные интенции. Можно предположить, что эмоциональную стабильность и благополучие дает психологическое время, точнее, уход в субъективное время – настоящее или будущее. Такой выход из травмирующего настоящего способен обеспечить

на какой-то период устойчивость к транзитивности, но в целом он совершенно непродуктивен, так как нарушает целостность и конгруэнтность личностной системы, экзистенции, делая барьеры экзисферы слишком жесткими (Гришина, 2019).

Поэтому, одной из первых трансформаций становится исключение из конструкта психологического хронотопа области, относящей к субъективному и объективному аспекту прошедшего/будущего времени. В фокусе внимания в данном случае оказывается совпадение/несовпадение субъективного настоящего жизненного пространства и времени с объективным настоящим пространством и временем. Еще одним вариантом непродуктивного ухода является погружение в виртуальное пространство, которое также не дает возможности самореализации. При этом и виртуальное, и дополнительные пространства могут стать способами преодоления прекарности, неуверенности в настоящем и будущем. Эстетическая парадигма, повседневность также могут рассматриваться как дополнительное пространство, которое работает по принципу замещения. Но во всех этих случаях приоритетным полюсом континуума является стабильность, а не развитие. Причем существенный недостаток здесь – и формирование жестких барьеров, отделяющих экзистенцию от жизненного пространства, внешнего мира.

Представляется, что оптимальным вариантом в такой системе становится внутренняя форма психологического хронотопа, точнее *spots of time*, которые помогают реализации энергии гетерохронности. Это понятие, как уже отмечалось (Марцинковская, 2016) связано с введенным В. Вордсвортом термином, не очень точно переводимый как «место времени». Для него – это эмоционально насыщенные образы, его опыт – как непосредственный, так и опыт далекого прошлого (Wordsworth, 1979). Существенным моментом этих образов-переживаний становится тот факт, что они в большинстве случаев относятся к местам во времени, связанным с отрицательными переживаниями. Но сила их в том, что они «встряхивают» человека, который, отряпаясь от рутины, начинает видеть мир по-новому, творит свою реальность, но не уходит при этом от существующего вокруг настоящего жизненного пространства. Эти негативные переживания ведут от дисгармонии к гармонии, преодолевая неуверенность и тревогу через саморазвитие. Таким образом, *spots of time* Вордсворта, в отличие от отрицательных эмоций Штерна, намечают путь к преодолению конфликта стабильность-развитие.

Эмоциональные озарения, сопряженные с определенными

«местами времени», рассматривались не только Штерном, но и другими психологами как реперные точки жизни, запускающие процессы активной деятельности, саморазвития, творчества. Это, конечно, в первую очередь, пики и плато переживания А. Маслоу (Маслоу, 2017). В работах Г.Г. Шпета (Шпет, 2007) также можно встретить указания на внутреннюю форму как интенцию, как движущую силу развития, вызванную переживанием места-времени.

Если исходить из того, что именно переживание является механизмом развития, переводя знания из внешнего, социального плана, во внутренний план самосознания и придавая им интенциональность (Марцинковская, 2019), то переходы от реального аспекта хронотопа к интернет, виртуальному и дополнительному связаны с отношением-реакцией-переживанием *spots of time*. Они становятся одновременно и стимулами к развитию и новыми критическими точками и барьерами на пути развития. В целом, можно предположить, что в новом методологическом конструкте необходимо в центр исследовательской парадигмы ставить не ситуации и факторы, помогающие появлению эмоциональной стабильности, но образы-переживания, вызывающие реакцию совладания с ними. Индивидуальный характер этих *spots of time* тесно связан с индивидуальным характером реакции на фрустрацию и, с этой точки зрения, может рассматриваться как диагностический метод.

Психология изменений и психология транзитивности: общность и отличия

Новый методологический конструкт психологии транзитивности, как и все современные конструкты, должен быть не только гибким, но и открытым. Это необходимо для того, чтобы легко соотноситься с близкой по направленности методологией. И это в полной мере относится к психологии изменений. Проанализируем, что же объединяет эти подходы, а в чем они существенно отличаются друг от друга.

Прежде всего, общим является представление о важности изменений, происходящих в мире и в человеке. Именно эта установка на принятие многоаспектных изменений, происходящих во внешнем и внутреннем мире людей, роднит эти подходы. (Психология личности: Пребывание в изменении, 2019).

Самым существенным отличием является то, что в психологии транзитивности первичными становятся изменения в мире, в социальном – большом и малом окружении человека. Исходя из

этого, выделяются и резкие или текучие изменения, то есть кризисная или текучая транзитивность. Психология изменений во главу угла ставит способность к изменениям самого человека. И с этой точки зрения анализируется потенциал самоизменений, рассматриваются черты, способствующие или, наоборот, затрудняющие возможность личностных трансформаций в ответ на изменчивость ситуации.

Точками соприкосновения этих двух конструктов является то, что и социум, жизненный мир людей, и личность изучаются в контексте динамической системы. Если транзитивность говорит о дилемме эмоциональное благополучие – саморазвитие, то психология изменений фактически говорит о такой же дилемме «постоянство – изменчивость». В динамическом подходе и модель транзитивного мира, и модель личности исходят из постулата о том, что изменения – это имманентная, априори присущая и миру, и личности способность и необходимость меняться и развиваться в разных контекстах, которые предоставляют и миру, и человеку веер возможностей как для стабилизации, так и для развития. Если реакция на кризисную транзитивность происходит быстро, то на текучую – отсроченно и даже опосредованно. Это связано и с различными эмоциональными, и даже физическими состояниями разных людей. Поэтому здесь важны совместные исследования с позиций двух конструктов.

Потенциал самоизменений, по данным Грипиной (Грипина, 2019), включает положительные связи с ценностями самостоятельности, ориентации на новизну и достижения, а отрицательные – с традиционностью сознания и консервативным и реактивным стилями реагирования на изменения. Таким образом, психологию изменений интересуют такие качества, как мотивация, интеллект, ценности. Но эти же качества рассматриваются и в психологии транзитивности, только с позиции оценки человеком возможности правильно увидеть и оценить все компоненты ситуации и свое отношение к ним. При этом личностные смыслы, когнитивная простота-сложность, обыденные и научные представления, личностные свойства, ценности не соотносятся прямо с принятием ситуации и адекватными стратегиями поведения в ней.

Возможно, именно отношение, переживание ситуации и может стать общей единицей психологии транзитивности и психологии изменений. Конструкт психологического хронотопа, в котором анализируется отношение человека к своему месту в пространстве и времени, применим и к психологии изменений. В этом случае рассматриваются рассогласования, возникающие между местом

человека в меняющемся мире и его субъективным временем с позиции способности человека принять или не принять эти изменения.

Однако здесь необходимо подчеркнуть отличия новой методологии. Если традиционно мы смотрели, насколько люди могут адекватно соотносить себя с этими изменениями и выстраивать свою идентичность, исходя из них, то, в новом методологическом конструкте, можно заметить, насколько не соответствуют эти внешние изменения ожиданиями и мотивации человека и вызывают у него отрицательные переживания.

«Spots of time» рассматриваются в новом конструкте, прежде всего, как способность к гармонизации субъективного и объективного пространства и времени в экзисфере человека. Для психологии личности центральным здесь становится вопрос о том, какие реакции вызывают отрицательные эмоции у разных людей и к чему они приводят – к личностным изменениям, агрессии или уходу. Эвристический потенциал образов «мест времени» связан с тем, что предоставляется возможность увидеть, каким образом интериоризуется и трансформируется переживание и к каким действиям оно ведет.

В целом, можно констатировать, что два теоретических конструкта – транзитивности и изменчивости – идут с двух сторон континуума к одной цели – понять весь веер возможных вариантов ответа на транзитивность в контексте личностной изменчивости и соотнести полученные данные, изучить феноменологию транзитивности и личностные качества с разных позиций. Это, возможно, создаст картину всего индивидуального спектра реакций разных людей на различные ситуации.

Прогнозирование будущих изменений

Возможность прогнозирования будущего была и остается одним из главных вопросов, которые задают себе люди. И на разных уровнях пытаются на него отвечать: здесь и гадалки, астрологи, карты таро, это и беллетристика, научная фантастика. Уже приходилось писать о том, что дает эстетическая парадигма, искусство для прогнозирования будущего, апперцептирования тех, еще неотрефлектированных изменений, которые не отражены в научных концепциях, но находят место в художественном творчестве (Марцинковская, 2016). И, конечно, психология не может обойти этот важный для людей вопрос.

Возвращаясь к понятию spots of time, можно увидеть его значение с точки зрения прогнозирования переживания и соотнести вариант этих переживаний с потенциалом самоизменений, стремлением

стать чем-то другим. Не менее значимой представляется и связь между эстетическим и научным языком при рефлексии личностных переживаний фрустрирующих ситуаций.

И здесь я хочу разделить понятия **прогнозирование и предвидение**. Разделение, конечно, условное: прогнозирование на объективном уровне, а предвидение на уровне искусства, возможно, бессознательное.

Мне кажется, что мы слишком часто разделяем эти способы, а они могут помогать или дополнять друг друга.

Например, негативная эмоциональная реакция Гамлета определяется его осознанием неопределенности ситуации, неизвестностью, которую таит в себе загробная жизнь.

Вот и ответ.

Какие сны в том смертном сне приснятся,

Когда покров земного чувства снят?

Вот в чем разгадка.....

Кто бы согласился,

Кряхтя, под ношей жизненной плестись,

Когда бы неизвестность после смерти,

Боязнь страны, откуда ни один

Не возвращался, не склоняла воли

Мириться лучше со знакомым злом,

Чем бегством к незнакомому стремиться! (Шекспир, 1958, с.70)

Это выражение связи негативной эмоции с неопределенностью в наше время было зафиксировано языком науки в известной концепции эмоций Павла Васильевича Симонова – $\mathcal{E} = \Pi * (\text{Ин} - \text{Ис})$,

где \mathcal{E} — эмоция, ее степень и знак; Π — интенсивность актуализированной потребности; (Ин — Ис) — оценка вероятности (возможности) удовлетворения потребности; Ин — информация о средствах, прогностически необходимых для удовлетворения потребности; Ис — информация о средствах, которыми располагает человек в данный момент. (Симонов, 1987)

Так совпали предвидение и прогнозирование.

Конечно, такое совпадение происходит не всегда, но некоторые примеры несовпадения показывают необходимость учета фактора культуры при прогнозировании научного результата. Примером может стать одно из исследований, доказывающих в рамках теории квантового нейрокомпьютинга Хамероффа-Пенроуза роль управляемой

объективной редукции в появлении и развитии творческого озарения. Результаты исследования, проводившегося одновременно лабораториями нескольких стран, не подтвердили в полной мере гипотезу о том, что искусственно вызываемая ОР способна привести к спонтанному повышению продуктивности мышления. Видимо, это было во многом связано с тем, что стимулы, демонстрируемые участникам эксперимента, совершенно не учитывали специфику их культурных стереотипов (Марцинковская, 2019).

В течение последнего года мы с коллегами провели несколько пилотных исследований связи между эстетическими предпочтениями и отношением к виртуальному пространству. Конечно, пока еще рано говорить об окончательных результатах, однако некоторые факты, как совпадающие, так и не совпадающие с нашими предположениями (предвидениями) представляются интересными.

Так, уже первые данные показали, как и предполагалось, наличие положительной корреляции между отношением к бессюжетному искусству (живопись и балет) и отношением к виртуальному общению. Однако совершенно не подтвердилось предположение о положительной связи между сетевой самопрезентацией и транспарентностью. При этом принятие транспарентности положительно коррелирует со стремлением к саморазвитию, что, в принципе, можно было предположить.

Мы планируем в ближайшее время рассмотреть культурный капитал как фактор предвидения, позволяющий предсказать не только принятие или не принятие конкретных эстетических образов, но и их связь с некоторыми личностными характеристиками.

Роль интернет-пространств в ситуации фрустрации пространства и времени.

Уже говорилось о том, что цифровое общество дает стимул к овладению новыми формами работы с информацией, развитию их именно в ситуации пандемии (Марцинковская, Ткаченко, 2021). В зависимости от личностных характеристик при этом может возникать либо привыкание к ситуации, и умение активно жить в новых условиях, либо нарастание депрессии. Были выделены личностные характеристики, положительно коррелирующие с совладанием с текущей транзитивностью – это толерантность к неопределенности, открытость новому и, менее выражено, добросовестность. Отрицательные корреляции были получены с такими качествами, как экстраверсия и эмоциональность.

Мы предположили, что психологическая феноменология первой и второй волны карантина похожа на феноменологию кризисной (первая волна) и текучей (вторая волна) транзитивности. И в том, и в другом случае происходит либо резкое и кардинальное изменение всей ситуации и переструктурирование жизненного пространства, либо повторение уже привычного сценария, который может реализовываться с некоторыми вариациями неопределенно долгое время. Исходя из этого, в ситуации первого и второго карантина было проведено изучение поведения, эмоционального состояния (авторский опросник), толерантности к неопределенности и личностных характеристик (HEXACO) в периоды первой и второй волны карантина из-за COVID-19. Одновременно учитывались отношение к работе, учебе, проведению досуга и общению в дистанционном формате – Zoom, Skype. Респондентами были люди двух возрастных групп – 17–25 лет и 40–55 лет.

Результаты показали практически полное совпадение данных, полученных при изучении состояния людей в ситуации социокультурного кризиса и первой волны карантина. Данные, которые мы получили во время второй волны, существенно отличались. Их анализ показал, что включение виртуального пространства «смазывает» картину. Чем больше люди привыкают к распределению времени в обоих пространствах, тем менее выражена связь депрессии с личностными качествами за счет включения онлайн формата деятельности. Это не зависит от возраста, но только от открытости опыту и использования онлайн формата.

Начата работа по изучению связи между степенью погружения в виртуальную реальность (аппаратными методиками и опросниками) и психологическим благополучием людей с разными индивидуально-личностными характеристиками в ситуациях кризисов разной природы. Были изучены кризисы транзитивной социально-психологической реальности, связанные с глобализацией и массовыми миграционными процессами, в том числе межкультурными коммуникациями, а также серьезные кризисы, возникшие в последний год из-за карантинов первой и второй волны COVID-19.

Было выявлено, что степень погружения в виртуальную реальность не связана прямо с индивидуальными чертами, невысокая прямая корреляция была обнаружена только с такими чертами, как *emotionality and openness*.

Было также показано, что эмоциональные переживания во время демонстрации разных визуальных образов, демонстрируемых шлемом

виртуальной реальности, связаны с поведением в ситуации кризисов разной природы. При этом существует прямая корреляционная связь между пассивными образами (прежде всего, пейзажами) и активными (коммуникации, конфликты, сцены фильмов), личностными характеристиками и психологическим благополучием в ситуации кризиса. Была доказана прямая корреляционная связь между показателями эмоционального благополучия во время первой и второй волны карантина и жесткими и текучими кризисами, происходящими в социокультурной реальности. Полученные результаты также показали, что переживания, возникающие в виртуальной реальности, могут частично адаптировать людей к кризисным ситуациям, возникающим в реальности.

Уже первые эксперименты демонстрируют, что использование новых аппаратных методов приводит к объективации имеющихся данных, не только прямо связанных с самой методикой (например, с КТР), но и опосредованно – через большую точность таких параметров, как реакция на отсутствие реального контакта, сложность операционализации, транспарентность. Эти результаты также свидетельствуют о возможности разработки новых инструментов изучения связи между транзитивностью и изменчивостью. Представляется, что может быть выявлена связь реакции на различные виртуальные ситуации с потенциалом самоизменений и даже открыты некоторые перспективы прогнозирования переживаний новых пространств – их интериоризация и операционализации, принятия неопределенности.

В целом, можно сделать **ВЫВОД** о необходимости соотнесения и сравнительного анализа близких по смыслу конструктов друг с другом. Это открывает пути к конструированию новой методологической модели, позволяющей развитию прогнозирования и предвидения, объективного и субъективного вариантов предсказания направления и содержания изменений.

Благодарность

Работа выполнена при поддержке гранта РФФ, проект 19-18-00516 «Транзитивное и виртуальное пространства – общность и различия».

Литература

Гришина, Н.В. Процессуальный подход в психологии личности // Психология личности: Пребывание в изменении / Под ред. Н.В. Гришиной. СПб.: СПбГУ, 2019. С. 117–154.

Марцинковская, Т.Д. Бессознательное и творчество: кросс-культурные аспекты // Вестник РГГУ. Серия Психология. Педагогика. Образование. 2019. № 4. С. 54–62. DOI: 10.28995/2073-6398-2019-4-54-62

Марцинковская, Т.Д. Культура и субкультура в пространстве психологического хронотопа. М.: «Смысл», 2016.

Марцинковская, Т.Д., Ткаченко, Д.П. Опросник «Переживания пандемии COVID–19» // Новые психологические исследования. 2021. № 1. С. 54–68. DOI: 10.51217/npsyresearch_2021_01_01_03

Маслоу, А. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Питер, 2017.

Психология личности: Пребывание в изменении / Под ред. Н.В. Гришиной. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2019.

Симонов, П.В. Мотивированный мозг. М.: Наука, 1987.

Ухтомский, А.А. Лицо другого человека. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2008.

Шекспир, В. Собрание сочинений в 8 томах. Том 6. М.: Искусство, 1958.

Шпет, Г.Г. Философия и психология культуры. М.: Наука. 2007.

Штерн, В. [Stern W.] Дифференциальная психология и ее методические основы. М.: ИП РАН, 1998.

Wordsworth, W. The Prelude, Authoritative Text. New York, NY: A Norton Critical Edition, 1979.

Сведения об авторе

Татьяна Д. Марцинковская, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Мигусская пл., д. 6; Психологический институт РАО, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4; *ip@rggu.ru*

Martsinkovskaya T.D.

New methodology for the investigation
transitive space of changing personality

*Russian state university for the humanities, Moscow
Psychological institute of the Russian academy of education, Moscow*

The problem of constructing a new theoretical model is analyzed. This model is aimed to be used in the study of personality in a situation of tran-

sitivity, first of all, transitivity in a situation of a pandemic and frustration of living space. It is proved that such a model can be based on the construct of the psychological chronotope. The directions of transformation of the initial construct of the psychological chronotope with the inclusion of real, network and Internet space are shown. The priority in this case is given to the present time, in which the harmonization of emotional experiences associated with various aspects of the psychological chronotope, as well as the time perspective, as a certain projection of the future, takes place. The problems that arise during the implementation of this model are considered. This is, firstly, the harmonization of two continua with different poles – to psychological stability, comfort and self-realization. The role of “spots of time” as a state that activates human search activity in this process is shown. The possibility of realizing this activity in different spaces is proved. In this case the actions lead simultaneously to development, personal growth as a result of achieving the goal in search activity and, thus, gaining emotional satisfaction and comfort. The general and distinct characteristics of the constructs “psychology of changing and psychology of transitivity” are considered. The generality which is manifested in the fact that both approaches are associated with the variability and multiplicity of development options in a situation of transformations is shown. There are also shown the differences which demonstrate themselves mainly in the fact that transitivity predominantly implies the variability of the situation (crisis and fluid), while the psychology of changes focuses on personal variability and a person’s ability to respond to the challenges of transitivity. Based on this analysis, the possibilities of these constructs in predicting future changes and the reactions of different people to them are exposed. The question of the role of real, network, Internet and additional and virtual spaces in the process of self-realization and the achievement of psychological well-being in a situation of crisis and fluid transitivity is examined. This question becomes one of the most urgent, as it is associated with the problem of harmonizing two continua in different spaces, as well as with the question of the individual’s ability to distribute productive activities in different spaces in response to changes in the situation. At the same time, a person’s ability to connect, combine and separate different spaces can be considered as one of the characteristics of the psychology of changing.

Key words: methodology, psychology of transitivity, psychology of changing, psychological chronotope

For citation: *Martsinkovskaya, T.D. (2021). New methodology of the investigation transitive space of changing personality. New Psychological Research, No. 2, pp. 31–45. DOI: 10.51217/npsyresearch_2021_01_02_02*

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Science Foundation, project 19-18-00516 “Transitive and virtual spaces – commonality and differences”.

References

Grishina, N.V. (2019). Procedural approach in personality psychology. In N.V. Grishina (Ed.), *Psychology of personality: Being in change* (pp. 117–154). St. Petersburg: SPbGU.

Martsinkovskaya, T.D. (2016). *Culture and subculture in the space of the psychological chronotope*. Moscow: Smysl.

Martsinkovskaya, T.D. (2019). The Unconscious and Creativity: Cross-Cultural Aspects. *Vestnik RGGU. Seria Psychology. Pedagogy. Education*, No. 4, 54–62. DOI: 10.28995 / 2073-6398-2019-4-54-62

Martsinkovskaya, T.D., Tkachenko, D.P. (2021). Questionnaire “Experiences of the COVID–19 pandemic”. *New psychological research*. 2021, No. 1, 54–68. DOI: 10.51217/npsyresearch_2021_01_01_03

Maslow, A. (2017). *Distant limits of the human psyche*. St. Petersburg: Piter.

Grishina, N.V. (Ed.). (2019). *Personality Psychology: Being in Change*. St. Petersburg: SPbSU.

Shakespeare, V. (1958). *Collected Works in 8 volumes*. Vol. 6. Moscow: Iskusstvo.

Shpet, G.G. (2007). *Philosophy and psychology of culture*. Moscow: Nauka.

Simonov, P.V. (1987). *A motivated brain*. Moscow: Nauka.

Stern, W. (1998). *Differential psychology and its methodological foundations*. Moscow: IP RAS.

Ukhtomskiy, A.A. (2008). *Another person's face*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha.

Wordsworth, W. (1979). *The Prelude, Authoritative Texts*. New York, NY: A Norton Critical Edition.

Information about the author

Tatyana D. Martsinkovskaya, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya square, Moscow, Russia, 125993; Psychological Institute of Russian Academy of Education, Moscow, Russia; bld. 9–4, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009; *ip@rggu.ru*